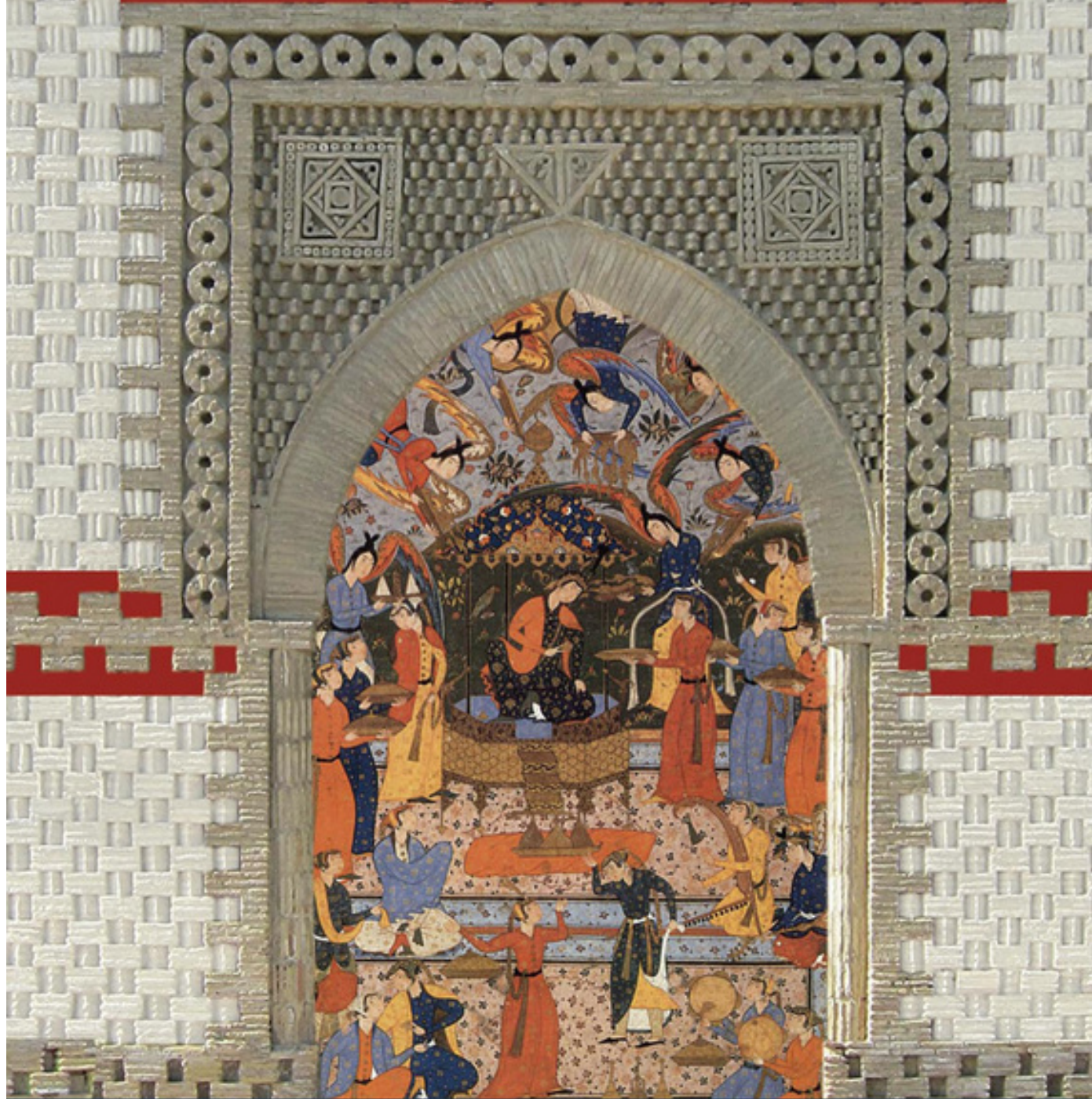

Ричард Нельсон Фрай

БУХАРА

В СРЕДНИЕ ВЕКА

НА СТЫКЕ ПЕРСИДСКИХ ТРАДИЦИЙ
И ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ричард Фрай

**Бухара в Средние века. На
стыке персидских традиций
и исламской культуры**

«Центрполиграф»

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)4

Фрай Р. Н.

Бухара в Средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры / Р. Н. Фрай — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5207-7

Американский иранист, почетный профессор Гарвардского университета, почетный доктор Таджикского университета Ричард Нельсон Фрай в настоящей книге постарался объяснить роль средневековой Бухары в восточно-исламском мире и тюркизации Средней Азии. Учитывая многочисленные пробелы исламской истории, автор реконструирует золотой век Бухары, ставшей в X веке столицей восточноиранского культурного пространства и символом нового порядка – персидского ренессанса.

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5207-7

© Фрай Р. Н.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ричард Нельсон Фрай
Бухара в Средние века
На стыке персидских традиций
и исламской культуры

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

Бухара в конце IX и на протяжении X в. превратилась в столицу восточноиранского культурного пространства и таким образом явилась наследницей многовековой, независимой от западноиранской традиции. В то же время Бухара стала символом нового порядка – исламского Ирана, который объединил прошлое с религией и цивилизацией, привнесенными пророком Мухаммедом. Это развитие, названное некоторыми учеными новоперсидским ренессансом, распространилось по всему Иранскому плато и за его пределами. Некоторые расценили это как противодействие иранского «национализма» арабскому исламу. Я же считаю, что это была попытка сохранить ислам, освободить его от арабского наследия и бедуинских традиций, сделав более богатой, более приспособляемой и универсальной культурой, чем он был до этого. Саманиды (династия из Балха, Афганистан, правившая в Средней Азии в 875–999 гг. н. э. – *Пер.*) показали путь примирения древних традиций с исламом, которому позднее последовали другие народы в самых отдаленных уголках исламского мира.

Бухара не потеряла своей значимости и после падения Саманидов в 999 г.; и в XVI в. снова стала столицей при узбекских правителях, оставаясь ею вплоть до русской революции. Однако золотой век Бухары пришелся на X столетие, когда во владениях Саманидов начала расцветать новоперсидская литература. После 999 г. Бухара повернула от Багдада в сторону Кашгара (столица Караханидского государства в Средней Азии тюркской династии Караханидов, царствовавших в 840–1212 гг.; в 960 г. Караханиды вместе со своими подданными приняли ислам, в 999 г. окончательно разгромили Саманидский эмират. – *Пер.*), а затем Каракорума (столица Монгольского государства; основан в 1200 г. как ставка Чингисхана; капитальную застройку в 1229 г. начал хан Угэдэй, третий сын Чингисхана. – *Пер.*). Она стала скорее частью южного аванпоста тюркской экспансии в Средней Азии, чем северным пограничьем ирано-исламского мира. Хотя кое-кто в Бухаре и по нынешний день продолжает говорить на персидском (или таджикском) языке (в настоящее время население Бухары состоит главным образом из узбеков, таджиков и персов-ираны. – *Пер.*), Саманиды оказались последней персидской династией в Средней Азии, и тюркизация земель между Оксом (нынешняя Амударья) и Яксартом (нынешняя Сырдарья), названных в этой книге Трансоксианой, после 999 г. стремительно продвинулась. Другим изменением стал поворот от централизованного чиновничьего государства Саманидов к раздробленным феодальным царствам Караханидов (или, как их еще называли, Илик-ханов или Али-Афрасиабов), основанным на среднеазиатском принципе двойного царствования. Однако в короткой книге о Бухаре мы не можем обсуждать проблемы среднеазиатских степей или обычаи кочевников, включая политическое устройство, тем более что значительная их часть освещена в других работах.

С моей точки зрения, исследователь исламской Трансоксианы сталкивается с другими проблемами и должен использовать другие методы для достижения своей цели, чем его коллеги, занимающиеся Древней Трансоксианой или историей Узбекистана начиная с Первой мировой войны. Историк Древней Трансоксианы следует использовать каждую крупницу имеющейся в его распоряжении информации, он должен выжать все возможное из надписей на глиняном черепке или на артефактах из археологических раскопок. Чтобы реконструировать прошлое, ему следует задействовать методы сравнительной лингвистики, антропологии, физической географии и множества других дисциплин. Историк Бухары Саманидов и ее окружения не должен пренебрегать информацией, предоставленной архитектурой, литературой и искусством, однако его основная задача состоит в сравнении различных версий событий, полученных из разных источников. Критический текстуальный анализ является его основным занятием. Исследователь Советской Бухары должен просеять массу информации и бесчисленных отчетов по экономической, политической и общественной жизни в городе. Его главная задача –

подбирать и отсеивать информацию, а затем соединить отобранное в целостную картину ограниченного периода времени или ограниченной темы – такой, как землепользование и хлопок.

Не вызывает сомнения, что древнюю историю Бухары, принимая во внимание многочисленные пробелы в исламской истории, невозможно восстановить. Но тогда следует установить ограничения на изложение истории, определяемые целью или темой. В нашем случае это расцвет новоперсидского языка и литературы при дворе Саманидов и перемены в Трансоксиане под властью Караханидов. Если бы источники были более полными и предоставляли желаемую информацию, наша задача оказалась бы намного проще.

Одна из проблем наших источников – это отсутствие хронологической точности и использование предшествующих работ, ныне утерянных. Так, при изучении X столетия порой книга, написанная в XII или XIII в., будет содержать более давнюю и более достоверную информацию, чем схожая работа XI столетия. Большинство авторов брали свои данные из других книг, не упоминая их названия, и зачастую точные даты их не слишком заботили.

В работе над данной книгой я постарался интерпретировать данные из источников самого широкого спектра. Следуя принципу простоты и учитывая огромное количество данных, я искал способ объяснить роль средневековой Бухары в более широком контексте восточноисламского мира и тюркизации Средней Азии. Много было опущено, но все же я надеюсь, что данное исследование окажется интересным и информативным.

Ричард Н. Фрай
Кембридж, Массачусетс

*Там Самарканд в саду миндальном,
Бухарцы в сонном забыты;
Купцы в чалмах, по тропам дальним
Влачатся вдоль Амударьи.*

Оскар Уайльд. Ave Imperatrix
(Пер. Е. В. Витковского)

Глава 1

Древний оазис

*Аристотель называет реку, несущую свои воды через Согдиану,
Политимет – именем, данным ей македонцами.
Страбон 518*

«Среди восточных стран Бухара возвышается, как купол ислама, и в тех краях подобна Багдаду. Вокруг нее исходит сияние великолепия учености ее врачей и законоведов, ее украшают высочайшие достижения образованности и исключительных знаний. В каждом столетии, начиная с древних времен, этот город служил местом, где собирались выдающиеся представители всех религий. Название Бухара происходит от слова «бухар», что на языке персидских жрецов-магов означает «сосредоточие учености». Слово это очень близко к слову на языке уйгурских и китайских идолопоклонников, называвших места своих богослужений, языческие храмы, тоже «бухар». Однако на период своего основания город назывался Бумиякат». Так писал персидский историк Джувейни (Малик ибн Мухаммед Джувейни (1226–1283) – персидский государственный деятель и историк, автор труда «История Мирозавоевателя») около 1260 г., через много лет после того, как монголы захватили и разграбили Бухару. Золотой век канул в Лету, однако Бухара никогда до конца не теряла своей значимости, вплоть до самого краха царской Российской империи в 1917 г.

Средняя Азия всегда сохраняла притягательность для жителей Запада, а города Самарканд и Бухара сияли парными бриллиантами в краю пустынь и оазисов. Жители влажных лесистых земель не могли испытывать ощущения чуда и благодарности того народа, который отвоевал маленький рай у песков пустыни и с трудом влачил ненадежное существование на орошаемых участках земли, постоянно противоборствуя природе. А поскольку в Средней Азии граница между степью и плодородными землями проходила точно по самому краю дарующей жизнь воды, для кочевников оазисы должны были казаться чем-то вроде рая по сравнению с негостеприимными пустынями, по которым они скитались.

По словам археологов, жители Азии на раннем периоде своего существования, по-видимому, спустились с гор, где научились возделывать землю и строить жилища, в более плодородные речные долины. Одна из таких долин Средней Азии возникла благодаря реке Зеравшан, текущей с Памира, «крыши мира», в пески пустыни Кызылкум.

В нынешнем оазисе Бухары не обнаружено поселений эпохи палеолита. Но это не означает, что в раннем каменном веке здесь не жили люди, хотя никаких свидетельств тому пока не обнаружено. Так как многие напластования древних поселений сосредоточены в хорошо орошаемых и возделываемых равнинных оазисах, только от глубоких раскопок можно было бы ожидать обнаружения очень древних останков. А поскольку повсюду в Средней Азии найдены орудия времен палеолита, можно предположить, что в Бухарском оазисе также находились древние поселения. Несколько предметов бронзового века свидетельствуют о существовании на данной территории поселений 2-го тысячелетия до н. э., однако не было произведено достаточное количество исследований или раскопок, чтобы мы могли составить картину предыстории Бухары. Нам остается довольствоваться ранней историей и оставить более древние периоды будущим исследователям доисторической эпохи этих земель.

Средняя Азия вышла на историческую арену, когда Кир (Кир II Великий (Куруш) – персидский царь из династии Ахеменидов, правил в 559–530 гг. до н. э. – *Пер.*) укрепил свою обширную империю. Однако Бухарский оазис не упоминался ни в Багистанской надписи Дария (иначе Бегистунская или Дариева надпись; самая значительная из древнеперсидских клинообразных надписей, вырезанная по повелению царя Дария I на Багистанской скале. – *Пер.*), ни

в перечне персидских сатрапий, составленном Геродотом. Священная книга зороастрийцев, Авеста, тоже не дает сведений о Бухаре, поэтому мы можем предположить, что она входила в сатрапию Согдиана, о которой упоминают все приведенные выше источники. Историки Александра Великого также бесполезны для нас, поскольку от Арриана (Флавий Арриан – древнегреческий историк и географ, занимал ряд высших должностей в Римской империи. – *Пер.*) и Квинта Курция (Квинт Курций Руф – римский историк, написавший наиболее полную «Историю Александра Великого Македонского». – *Пер.*) мы знаем только то, что в нижнем течении реки Полидмет (Зеравшан) находилось множество поселений, впоследствии исчезнувших в песках или, в некий период времени, видимо поглощенных озером, названным Птоломеем Оксиана (Аральское море. – *Пер.*). Археологические свидетельства, хоть и фрагментарные, указывают на существование оросительных каналов и поселений задолго до прихода Александра Великого. К сожалению, мы не имеем относящихся к этому раннему периоду литературных источников.

Хотя у нас нет тому свидетельств, кажется вполне вероятным, что Бухарский оазис входил в Греко-Бактрийское царство, основанное колонистами и гарнизонами, оставленными Александром и ранними Селевкидами (династия правителей эллинистического государственного образования, основанного диадохом – полководцем Александра Македонского, Селевком (312 до н. э. – 83, 68–64 до н. э.). – *Пер.*) в Восточном Иране. В то время как цари Эвфидем, Деметрий и др. могли осуществлять прямое управление всей Согдианой, вполне вероятно, что различные оазисы Средней Азии установили собственную автономию даже под номинальной греко-бактрийской властью. Обнаруженные в Средней Азии греко-бактрийские монеты не могут служить доказательством непосредственного управления. В то же время нет ни малейшего сомнения в сильном влиянии эллинистической культуры. Наличие скульптур и настенных росписей из таких городов, как Эртан рядом с Термезом, Пенджикент и Варахша, подтверждают существенное влияние греческого искусства в Средней Азии за два века до христианской эры. Греческое влияние в Средней Азии, возможно, шло параллельно с эллинским влиянием в Северо-Западной Индии, которое позднее вылилось в гандхаранскую школу буддийского искусства.

Во II веке до н. э. в земли между Оксом и Яксартом вторглись кочевники с восточных окраин. Предположительно, в Бухарском оазисе они перешли к оседлому образу жизни, установив свою власть над местным населением. И вот впервые у нас имеются китайские источники, повествующие о землях Средней Азии. Примерно в 129 г. до н. э. китайский посол по имени Чжан Цзянь посетил Центральную Азию и обнаружил, что народ, называвшийся в китайских текстах юэчжи, уже занял значительные территории по берегам реки Окс. Позднее юэчжи захватили земли южнее Окса, и один из их кланов создал царство, известное в истории по его имени, Кушанское царство (*кит.* Гуйшуан, I–III вв. н. э. – древнее государство на территории современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии, период расцвета приходится на 105–250 гг. н. э.; Кушанское царство было основано кочевым индоиранским народом тохаров, *кит.* юэчжи – люди луны, пришедшим с территории, на которой сейчас находится Синьцзян-Уйгурский автономный район. – *Пер.*). С I по IV в. н. э. Кушанское царство являлось доминирующей силой, как в политическом, так и в культурном аспекте в Средней Азии и Афганистане.

При кушанах буддизм распространился в глубь Средней Азии и в Китай. Теперь, когда были обнаружены и частично расшифрованы надписи на языке кушанов (из Сурх-Котала в Северном Афганистане и других мест), мы можем дать более полную оценку важной роли этих преемников греков в Средней Азии. Вполне возможно, что именно при великом царе Канишке (чьи даты правления точно не известны, но который, видимо, правил в начале II столетия н. э.) кушанский письменный язык был упрощен при помощи видоизмененного греческого алфавита. Потому что найдены как греческие, так и кушанские легенды (совокупность всех грам-

матических символов на монетах. – *Пер.*) на ранних монетах Канишки, тогда как на более поздних этапах правления Канишки греческие надписи уже исчезли. Возможно, более значительным, чем все остальные культурные достижения, явилась роль Канишки в переводе буддистских текстов на кушанский, а затем уже на согдийский и китайский языки. Можно предположить, что многие из согдийских и китайских буддистских текстов из Китайского Туркестана были переведены с кушанских оригиналов, поскольку такие распространенные буддистские термины, как «сансара» – переселение души, «татхагата» – тот, кто пришел (один из эпитетов Будды. – *Пер.*), «клеза» – духовная нечистота, в согдийском и китайском переводах выдают оригинал из стороннего источника, которым, возможно, была кушанская школа переводчиков. И вполне вероятно, что в земли между Оксом и Яксартом именно при кушанах пришел буддизм.

Значение кушанов в истории оказалось недостаточно оцененным, и, вместе с новыми археологическими открытиями, наши знания о них как о посредниках между Индией, Китаем и Ближним Востоком становятся все более определенными. Обилие глиняных черепков кушанского периода в Бухарском оазисе, во многих искусственных могильных курганах, указывает на процветающую экономику тех времен. Возможно, именно в этот период мы можем найти признаки самых ранних свидетельств существования древних поселений на территории нынешней Бухары.

При раскопках одной из древнейших мечетей современной Бухары, Магоки-Аттар, советский археолог В. А. Шишкин углубился на 12 метров ниже поверхности, где были обнаружены обломки, датируемые, возможно, самым началом христианской эпохи. Мечеть Магоки-Аттар может быть идентифицирована как средневековая мечеть Мах, упомянутая исламскими авторами, которые сообщают, что она была построена на месте прежнего храма огня. Поскольку многие священные места часто продолжали сохранять свое предназначение даже при смене религий, о чем свидетельствует превращение языческих храмов в церкви или церквей в мечети, Магоки-Аттар, находящаяся ныне в центре города, возможно, расположена на месте прежнего буддистского монастыря. Таким образом, на месте храма огня некоего местного культа, который, в свою очередь, построили на месте вихары (санскритский и палийский термин для буддистского монастыря. – *Пер.*), была воздвигнута мечеть. Эти три религиозных пласта можно приблизительно сопоставить мусульманской, эфталитской (эфталиты, или белые гунны, – племенное объединение раннего Средневековья (IV–VI вв., создавшее обширное государство, в которое входили Согдиана и Бактрия, Афганистан, Гандхара и Северная Индия. – *Пер.*) и кушанской эпохам истории Бухары.

Дальнейшим указанием на правдоподобность приведенной выше гипотезы является вопрос о названиях Бухары. Во многих исламских источниках Бухару называют Бумиякат, но изучение средневековых исламских карт приводит к заключению, что Бумиякат являлся эквивалентом цитадели и что от мечети Мах – позднее Магоки-Аттар – Бумиякат отделял то ли водный поток, то ли канал. Таким образом, Бухара как поселение была чем-то отличным от Бумияката, и только позднее они слились в единое целое. Здесь нет возможности углубляться в причины такого предположения, однако оно прояснило бы сведения о Бухаре в наших источниках, особенно географических.

Интересно отметить, что в индийской провинции Бихар есть город Бухар, и считается, что оба названия происходят от «вихара», общепринятого названия буддистских монастырей. Вполне вероятно, что название Бухара (на тюркских диалектах «букар») стало производным от «вихара», поскольку называть место по наиболее значительному строению на нем не являлось такой уж необычной практикой. Более того, писатель периода Саманидов, аль-Хорезми, говорит, что «аль-бухаром» называют храм индийских идолопоклонников. Однако название Бухара в наших источниках встречается относительно поздно. Наиболее ранний источник, в котором появляется это название, – книга примерно 630 г. н. э. о странствиях китайского будди-

ста-паломника Сюань Цзана. Можно предположить, что монеты правителей Бухары, где встречается это название, более ранние, однако даты на них не отмечены.

Монеты эти являются любопытными копиями серебряных монет сасанидского правителя Ирана, Бахрама V, который правил примерно в 421–439 гг. н. э. и который, предположительно, вел завоевательную политику в Средней Азии. Наиболее ранние монеты Бухары этого вида имеют среднеперсидскую легенду, скопированную с монет Бахрама, а также легенду на местном бухарском диалекте. Последняя легенда гласит «царь Бухары», вслед за чем следует то ли имя собственное, Кана, то ли эпитет «кава» – героический, могущественный, местное название легендарных, великих правителей до и во времена пророка Заратустры. Тогда легенду можно трактовать как «царь, властитель Бухары». Однако средневековый историк Бухары, Наршахи (Мухаммад ибн Джафар Наршахи (899–959) – среднеазиатский историк X в., автор «Истории Бухары». – *Пер.*) упоминает правителя Бухары по имени Кана, который, по-видимому, не плод воображения или результат неправильного истолкования легенд на монетах из-за того, что последнее «а» на более поздних монетах исчезает. С различными видами монет доисламской Средней Азии необходимо еще много работать, но и они, как я предчувствую, выявят кушанские корни более поздних местных династий.

Можно предположить, что истоки Бухары как имеющего важное значение города, видимо, датируются концом V или началом IV в. н. э., когда под властью эфталитов находились большие территории Средней Азии. После победы Бахрама над эфталитами персидское влияние на Среднюю Азию, как свидетельствовало копирование его монет, значительно возросло. К тому же самому периоду археологи относят и некоторые основные сооружения длинных (общепринятый термин для крепостных стен большой протяженности. – *Пер.*) стен вокруг оазиса.

Крепостные стены Бухары, носившие курьезное название Канпирак – «Старуха», не являлись чем-то уникальным для Средней Азии. Антиох I (281–261 до н. э.) построил, согласно Страбону, стену вокруг оазисов Мерв (древнейший известный город Средней Азии на берегу реки Мургаб на юго-востоке Туркменистана) и Шаш (возле Ташкента); другие оазисы также были обнесены стенами. Вполне возможно, что длинные стены Бухары, раскинувшиеся на 250 километров вокруг оазиса, начали возводить еще до нашей эры, однако археологические свидетельства далеко не дают такой уверенности. Протяженные стены опоясывали орошаемую часть оазиса и, несомненно, служили защитой как от песков пустыни, так и от враждебных кочевников. Фрагменты стены, особенно в восточной и юго-восточной частях оазиса, сохранились и по сей день.

После арабских завоеваний стены несколько раз восстанавливались и надстраивались. Исламские источники сообщают нам, что грандиозное восстановление стен началось в 782 и длилось до 830 г. н. э. При процветающем правлении Саманидов крепостные стены запустили до состояния развалин и они больше не служили таким серьезным барьером, каким являлись в досаманидские времена. Разумеется, стены города поддерживались почти до наших дней, и средневековый географ Истахри писал, что в восточной части исламского мира нет второго такого хорошо укрепленного города, как Бухара. Не только сам город имел мощные стены, но и цитадель, где размещались правители, также служила надежным оборонительным сооружением.

Что касается эфталитов, то эти вторгшиеся с восточных окраин кочевники унаследовали не только роль кушанов, но, похоже, и их язык. Или, выражаясь точнее, они переняли иранский диалект Бактрии, использовавшийся кушанами и, соответственно, называвшийся кушано-бактрийским. Полагаю, было бы правильно разделить историю этой большой восточноиранской территории на кушанский и последовавший за ним позднее эфталитский периоды. Это никоим образом не исключает дальнейшее подразделение на подпериоды или другую общую точку зрения на историю Восточного Ирана, однако скудность источников ставит

нас перед необходимостью упрощения попыток реконструкции истории. В персидском эпосе Фирдоуси (Мансур Хасан Фирдоуси Туси (935-1020); персидский поэт, автор эпической поэмы «Шахнаме» («Книга царей». – *Пер.*), ему приписывается также поэма «Юсуф и Зулейха», библейско-коранический сюжет об Иосифе) земли кушанов в нескольких местах сопоставляются, по всей видимости, с Бухарским оазисом, что не кажется неожиданностью даже позднее, при власти эфталитов.

Мы можем предположить, что эфталиты правили и в Бухарском оазисе, поскольку под их правлением находилось большинство других восточноиранских культурных областей, с середины V до середины VI в. н. э. Хотя среди эфталитов могли присутствовать тюркские или алтайские элементы, основная масса населения, скорее всего, являлась иранской по языку и, несомненно, по культуре. В средневековой истории Бухары Наршахи мы находим повествование, которое может поведать о свержении эфталитского правителя оазиса Бухары руками тюрков около 565 г. н. э. Выдержка принадлежит не перу Наршахи, а другому автору, аль-Нишапури, и является включением в сочинение первого. История рассказывает нам, что еще до существования города Бухары правитель всей области жил в городе Пайкане, что на юго-востоке оазиса близ реки Окс. Правитель, которого звали Абри или, что более вероятно, Абарзи, так сильно притеснял людей, что они попросили помощи у тюркского правителя, который пленил и казнил Абарзи. Исследователи приложили немало усилий в попытках идентифицировать различных правителей с упомянутыми в данной истории. Основными источниками, крайне редко оказывающимися точными в том, что касается такой далекой от Китая части Средней Азии, служат китайские тексты. А поскольку одна из царских семей эфталитов носила имя Варз, то есть искушение видеть в Абарзи последнего эфталитского правителя Бухарского оазиса.

Несмотря на то что тюрки осуществляли свой сюзеренитет над Бухарским оазисом, реальная власть, по-видимому, сосредоточилась в руках местных династий, сформировавшихся в IV или V столетии, вслед за распадом Кушанского царства на различные княжества, по крайней мере севернее реки Окс. И снова прямых свидетельств длительного существования династии Бухарского оазиса не найдено, и нам известно это только из арабских и персидских источников. Данным источникам династия известна лишь как худа (властители) Бухары. Однако на монетах этих правителей мы находим согдийское слово, обозначающее царя, что является одной из деталей, указывающих на то, что местным языком был согдийский диалект. Властители Бухары продолжали править и в исламские времена, из чего можно заключить, что арабское правление осталось таким же, как и при тюрках; и те и другие правили через местные династии.

Повествования, прославляющие прошлое города, часто обнаруживаются в местных средневековых повествованиях о разных городах Ирана, и, перед тем как использовать их в качестве источника, истории эти необходимо тщательно изучить. Повествования о доисламском прошлом, которые не содержат явной тенденциозности или предвзятости, могут рассматриваться более правдоподобными, чем рассказы, указывающие на моральные устои или чрезмерно превозносящие личность или место. Следовательно, информацию о доисламской Бухаре, найденную в истории Наршахи и повторенную в других исламских источниках, можно рассматривать достоверной по существу до тех пор, пока не доказано обратное. Из нескольких источников нам известно, что столица, Пайкан, была захвачена Бахрамом Чобином, военачальником сасанидского царя Ормизда IV около 589 г. н. э. Противником Бахрама мог быть некий важный тюркский властитель или просто местный лидер. Имена – Шаба и его сын Пармудха (с вариантами), – которые появляются в источниках, не подлежат здесь обсуждению. В отношении данного периода истории существует слишком много неопределенности, и для нашего исследования Бухары нам не следует строить догадки на деталях. Как бы там ни было,

после этого времени Пайкан утратил свое значение, а другие города оазиса, среди которых и Бухара, пошли на подъем.

Согласно тексту Нишапури (в книге Наршахи), существовал царь Бухары по имени Мах, в честь которого позже назвали городскую мечеть. Другой царь Бухары упоминается на серебряном сосуде, хранящемся в Эрмитаже, в Ленинграде. Прочтение его имени точно не известно, однако оно могло бы звучать приблизительно как Дизои. Наршахи также упоминает правителя по имени Кана, чье имя, как мы уже говорили, предположительно возникает на монетах. Ни одно из этих имен не является точным, и мы можем только предполагать, что такие цари властвовали в Бухаре в VI и VII вв. Можно с уверенностью сказать, что в Бухаре существовали местные династии, но неясно, насколько большей частью оазиса правил властитель города. Скорее всего, другие города оазиса имели собственных правителей, поскольку из исламских источников нам известно о правителе города Варанда в северной части оазиса. Более того, Наршахи говорит, что город Рамитин являлся столицей Бухарского оазиса, а когда-то прежде резиденцией правителей считался город Варахша; все это указывает как на разных правителей, так и на смену столиц. Однако ко времени арабских завоеваний Бухара была главным городом оазиса.

Глава 2

Становление ислама

Что проку лицом обращаться к михрабу?

С Тараза идолами сердце мое, с Бухарой.

Рудаки

Когда арабы под предводительством наместника Хорасана (исторической области в Восточном Иране) Убайдаллы ибн Зияда в 674 г. впервые появились под стенами Бухары, они обнаружили, что вместо недавно почившего царя городом правит царица. Имя царицы, несомненно незаурядной личности, было то ли Хтк, то ли Кбх, и произношение его остается неизвестным. Множество местных конфликтов делают историю арабских завоеваний довольно запутанной, и мы не можем быть уверены в последовательности событий. Вполне вероятно, что Бухара выплачивала дань арабам под предводительством Убайдаллы, но не была оккупирована завоевателями. Последующие наместники совершали набеги на земли за Оксом, однако их завоевания оставались по большей части не закреплены, в основном из-за гражданской войны, вспыхнувшей после смерти главы Омейядского (Дамасского. – *Пер.*) халифата Язида бен Муавии в 683 г. Как результат, Средняя Азия оказалась свободной от арабского господства на целое десятилетие.

Нам неизвестно, что произошло в Бухаре. Вполне возможно, что царица правила Бухарой более тридцати лет, но хронология событий выглядит запутанной, и легенды, сложившиеся вокруг образа царицы, значительно продлевают сроки ее правления. Известно лишь о некоем худа (правитель, например Бухар-худа) из Варданы, правителе города Вардана, носившего также имя Хнк – удивительно созвучно имени царицы, – как об основном противнике арабов. Имеющийся в источниках Бухар-худа, по имени Хнк, Хамик или абу Шакр (отец Шакра), возможно, был тем самым правителем Варданы, а может, и совершенно другой личностью. К сожалению, источники лишь упоминают эти имена, но ничего не сообщают о них. Не исключено, что в Бухарском оазисе царствовало несколько правителей, и, вероятно, на трон столичного города имелось несколько претендентов.

Набеги арабского наместника Хорасана, Умайя ибн Абдаллаха, с 692 по 697 г., показали неэффективность, и халиф Абд аль-Малик передал Хорасан в подчинение Ираку во главе с его сильным и способным наместником, знаменитым Аль-Хаджадж ибн Юсуфом. Последний назначил в Хорасан достойного заместителя, который окончательно завоевал и оккупировал земли севернее Окса. В 706 г. Кутейба ибн Муслим после длительной осады захватил Пайкан и в 709 г. взял Бухару. Он также захватил Самарканд и расширил арабские территории на восток намного дальше, чем этого когда-либо достигали предыдущие набеги.

При правлении Кутейбы происходило укрепление гарнизонов и ислама в Бухаре и других городах Трансоксианы. Из источников мы узнаем, что Кутейба отводил отдельные части Бухары разным арабским племенам, что придавало завоевателям силу и сплоченность. Хаджадж и Кутейба оба были способными людьми, и их дипломатичность – как в способности идти на компромисс, так и в привлечении в армию множества неарабов – являлась главной причиной успеха ислама в Средней Азии. Позднее такая политика вызвала резкое недовольство среди некоторых арабов и стала фактором, приведшим к гибели Кутейбы от рук его врагов в 715 г.

Кутейба построил в Бухаре мечеть и разместил гарнизон внутри города. Различные источники доносят до нас, что эти деяния не только сделали Бухару важным военным опорным пунктом мусульман, но заложили основу для ее роли в качестве центра исламского образования. Наршахи повествует, что Кутейба предложил вознаграждение в 2 дирхема (первоначально

арабская серебряная монета, введенная в обращение в конце VII в.; видоизмененная греческая драхма. – *Пер.*) каждому, кто приходил в великую мечеть Бухары по пятницам. Из чего можно сделать заключение, что в Бухаре, как и повсюду, низшие классы тянулись к исламу и число мусульман росло. Однако это не означает, что в ислам обращались одни лишь бедняки; хотя, скорее всего, аристократия оказалась в меньшей степени к этому расположена.

Кутейба назначил в города Трансоксианы военных наместников, чья основная обязанность заключалась в контроле сбора налогов и обеспечении защиты от врагов. Обычно местные династии продолжали существовать бок о бок с арабскими наместниками, и в Бухаре продолжала процветать династия бухарских худа. Нет уверенности в том, что правитель Бухары, Тугшада, был посажен Кутейбой на трон вместо своего противника, правителя Варанды, имевшего претензии на власть в Бухаре, но Кутейба, безусловно, поддерживал Тугшада. О произношении его имени можно спорить, поскольку у нас есть китайские и арабские варианты, но мы остановимся на произношении, принятом в основных нефундаментальных работах. Похоже, что Тугшада правил Бухарой более тридцати лет. Наршахи пишет, что он правил тридцать два года (707–739) и изначально был посажен на трон Кутейбой.

Наршахи сообщает любопытную историю о Тугшаде, случившуюся через некоторое время после смерти Кутейбы. Примерно около 730 г. н. э. (точная дата не известна) арабские миссионеры предприняли попытку обратить в ислам еще большее число жителей Средней Азии, и их усилия увенчались успехом. Тугшада пожаловался наместнику Хорасана, что многие приняли ислам лишь затем, чтобы избежать налога, наложенного на немусульман. Наместник написал своему подчиненному, наместнику Бухары, приказав арестовать вновь обращенных мусульман и передать Тугшада. Последний многих из них казнил, а оставшихся отправил в качестве пленников наместнику Хорасана. Хотя конкретные детали истории могут оказаться неточными, вся она в целом – изложенная также и в нескольких арабских повествованиях – показывает, что проблемы обращения в ислам и сбора налогов беспокоили представителей как местной, так и арабской власти. И, как обычно, доходы государственной казны оказались важнее всего остального.

Что касается Кутейбы, то обращение местных жителей в ислам обеспечило его, наряду с арабскими, местными вспомогательными войсками. Численность неарабских войск, называвшихся мавали – подопечные, выросло, и они оказали значительную помощь в укреплении и поддержании власти арабов. Арабы, вероятно, использовали персидский в качестве *lingua franca* (франкский язык; язык, используемый как средство межэтнического общения. – *Пер.*) со своими иранскими подданными в Средней Азии, как и в самом Иране, что способствовало распространению новоперсидского языка в землях, где местные жители объяснялись на согдийском и других диалектах.

После смерти Кутейбы позиции арабов сильно пошатнулись, и наступила череда непрерывных переворотов и сражений. Бухара оставалась в руках арабов, хотя другие районы время от времени обретали полную независимость. В китайских летописях есть записи о многих посольствах различных династий Средней Азии, обращавшихся к китайскому двору в поисках помощи против арабов. Даже Бухара, вместе с другими государствами, просила Китай о помощи в 718 и 719 гг. Вполне вероятно, что Тугшада вел двойную игру, поощряя других правителей на организацию сопротивления арабам с китайской или тюркской помощью, но затем, когда позиция арабов усиливалась, подтверждая свою преданность последним. Перемены в собственной арабской политике на Востоке, отражающие позицию центральных властей Омейядского халифата в Дамаске, не способствовали примирению с местным населением.

Китайские источники сообщают нам, что царь Бухары отправил своего брата к китайскому двору, предлагая вассалитет. Что, по всей видимости, являлось частью общего бунта против арабов после нескольких поражений последних от рук тюрков, точнее говоря, от тюрков с севера и востока Трансоксианы. В 728 г. Бухара и большая часть Трансоксианы, за

исключением Самарканда и нескольких мелких владений, освободились от арабской власти. Два года позднее Бухара капитулировала перед арабской армией, однако Тугшада каким-то образом умудрился остаться у власти. На протяжении ряда лет арабам пришлось противостоять тюркам вместе со своими местными союзниками, и однажды мусульмане в Бухаре оказались осажденными тюркскими силами. Сражения продолжались до 737 г., когда тюрки отступили от Трансоксианы из-за внутренних неурядиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.